

КОНАНЧУК СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
moskov_sveta@mail.ru*

SVETLANA V. KONANCHUK

*Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and
Foreign Languages, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

ПЛЕТНЕВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИСЛАВОВИЧ

*кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
venger.vin@rambler.ru*

ALEKSANDR V. PLETNEV

*Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Theory and Technology
of Social Work of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 1:316

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ОДИНОЧЕСТВА**

**SOCIAL, PHILOSOPHICAL AND AESTHETIC APPROACHES
TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF LONELINESS**

Аннотация. Авторами представлен комплексный социальный и философско-эстетический анализ феномена одиночества, рассматриваемого не только как негативное переживание социальной депривации, но и как позитивное условие развития личности. С философско-эстетических позиций исследованы различные формы субъективного переживания этого состояния. В результате отмечается, что оно амбивалентно, т. е. обладая одновременно отрицательными и положительными качествами, одиночество является необходимой составляющей духовного мира человека.

ABSTRACT. The article presents a complex social, philosophical and aesthetic analysis of the phenomenon of loneliness, which is considered not only as a negative experience of social deprivation but also as a positive condition for the development of the individual. Various forms of subjective experience of loneliness from philosophical and aesthetic positions are analyzed. As a result, it is noted that the phenomenon of loneliness is ambivalent, i. e. while simultaneously possessing negative and positive qualities the loneliness is a necessary component of the spiritual world of human being.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: феномен одиночества, философия одиночества, эстетика одиночества, философско-эстетический подход, социальная аномия, социальная неопределенность.

KEYWORDS: phenomenon of loneliness, philosophy of loneliness, aesthetics of loneliness, philosophical and aesthetic approach, social anomia, social indeterminacy.

В наши дни возрастает актуальность проблемы распада традиционного сообщества и ослабления социальных связей. Ряд традиционных обществ, на которые был разделен мир еще в эпоху Нового времени, постепенно сменяется единым интернационализированным обществом. Оно может быть названо обществом потребления, информационным, сетевым, глобализирующимся, постсовременным, но, независимо от его определения, это общество становится все более интегрированным и однородным. Урбанизация и увеличение

численности населения приводят к растворению сообщества в большом, безликом и одиноком обществе. Конец XX века добавил ко всему прочему виртуализацию — в ее рамках реальное общение заменяется виртуальным, по целому ряду причин не способным стать его полноценной заменой. Цель нашего исследования в многостороннем рассмотрении проблемы одиночества, которую следует признать крайне важной и недостаточно изученной в философских и социальных изысканиях.

Надо заметить, что в отечественной литературе слабо представлены достижения современных англоязычных авторов в данной сфере. Помимо этого, ввиду особенностей советского периода, у нас не рассматривались личные проблемы индивида как недостойные общественного внимания [18, с. 384]. Указанные обстоятельства подтверждают особую актуальность выбранной темы.

О постепенной утрате социального сообщества говорил еще Ф. Теннис, и уже в его трудах указывалось, что это приводит к ослаблению социальных связей и вызывает у индивидов чувство одиночества. В дальнейшем многие социологи обращали внимание на то, что индустриализация и становление «массового общества» ведут к формированию более атомичных и более аномичных индивидов [20, с. 373]. В целом урбанизация привела к «замене тесных межличностных контактов на вторичные формальные, ослаблению родственных связей, постепенному ослаблению роли семьи для общества, подрыву традиционной основы социальной сплоченности» [25, с. 20–21] и, следовательно, к возрастанию переживания одиночества индивидами, что может быть отнесено к проявлениям аномии.

Возрождение интереса к проблеме аномии среди социологов в начале XXI века [16, с. 1] свидетельствует о том, что более чем за два тысячелетия она не утратила актуальности.

В отечественной литературе аномия рассматривается прежде всего как социальное явление, которое российские ученые исследуют на основе концепций Э. Дюркгейма,

Р. Мертона, С. Месснера, Р. Розенфельда и др. Концепции аномии личности отечественными специалистами практически не используются, что можно считать существенным упущением, поскольку аномия на уровне личности не менее важное явление, чем социальная аномия.

Теории личностной аномии Р. Макайвера и Д. Рисмена были созданы почти одновременно и во многом считаются схожими. Р. Макайвер понимал аномию как утрату чувства причастности индивида к обществу, оторванность от своих моральных корней, отсутствие каких-либо норм поведения, представлений о целостности и единстве народа, о долге [13, с. 84]. Согласно Р. Макайверу, в любую историческую эпоху определенные люди могут впасть в состояние аномии. Однако современное демократическое общество особенно сильно подвержено аномии по причине того, что в нем проявляются конфликт культур, капиталистическая конкуренция и высокий темп социальных перемен.

Основываясь на этих трех отличительных характеристиках современного общества, Р. Макайвер соответственно выделяет три типа личностной аномии, которая может сопровождаться чувством одиночества:

- когда жизнь человека становится бесцельной по причине отсутствия значимых ценностей;
- когда человек использует свою энергию и возможности только для самого себя;
- когда у человека отсутствуют значимые межличностные связи и взаимоотношения.

Д. Рисмен рассматривал аномию как неприспособленность человека к жизни в обществе, причиной этого является несоответствие характера индивида типичному характеру той эпохи, в которой он живет. Согласно теории Д. Рисмена, в любом обществе встречаются «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные» индивиды. В результате определенная часть людей, «которые не соответствуют типу характера, преобладающему в данном обществе, могут быть либо аномичными, либо автономными» [19, с. 287].

Автономные люди приспособляются к господствующим в обществе поведенческим нормам, они могут самостоятельно решать, соответствовать им или нет. Аномичные же индивиды руководствуются иными нормами, не соответствующими общепринятым и характеру эпохи.

В современном обществе, главными ценностями которого являются достижения финансового благополучия, известность и победа в конкурентном состязании с другими, комфортно себя чувствуют представители «ориентированного извне» типа. Индивиды, относящиеся к «традиционно ориентированному» или «ориентированному на себя» типам, часто испытывают одиночество, ощущают себя чужими в мире с неприемлемыми для них ценностями.

Явным недостатком концепции Д. Рисмена (о чем упоминал Ч. Тейлор [23, с. 16]) является то, что он не учитывал влияния средств массовой информации. Газеты, радио и телевидение постоянно транслируют общепринятые нормы поведения и ценности, способствуя усвоению и принятию их теми индивидами, чья ориентация не соответствует ориентации эпохи. Особенно сильно это упущение ощущается, если говорить о конце XX — начале XXI века, когда все большее распространение получает Интернет. Общение в Сети на сегодняшний день сопоставимо по своей значимости с общением в реальной жизни, Интернет становится важнейшим источником свободной трансляции норм и ценностей.

Американский социолог Л. Сроул ввел в научный оборот термин *аномия* для обозначения аномии на личностном уровне. К. А. Феофанов в своем обзоре подходов к изучению аномии отмечает: «Если на макросоциальном уровне аномия вызывается дисфункциональным отношением между социальными подсистемами (см., например, у Мертона), то на уровне микросоциальном — дисфункциональным отношением между индивидами и этими подсистемами. Последнее является предметом индивидуально-психологического изучения аномии» [4, с. 89].

Э. Пауэл, посвятивший одну из своих работ этому новому пониманию аномии, заметил, что в условиях современной социальной неопределенности состояние аномии усиливается. Оно характеризуется общей потерей ориентации и сопровождается ощущением «пустоты» и апатии, аномия может ощущаться индивидом просто как состояние бессмысленности или одиночества [17, с. 132].

Концепция Л. Сроула нередко подвергалась критике, поскольку симптомы, на основе которых была разработана шкала аномии Л. Сроула, могут быть интерпретированы не только через аномию.

Например, их можно воспринимать как признаки отчаяния, связанного с отсутствием у индивида стремления к улучшению условий своей жизни, а не с отсутствием возможностей для реализации жизненных целей.

Одиночество рассматривается в русле разных наук и имеет разные интерпретации, но в целом может быть определено как «ситуация переживания индивидом определенного опыта, когда взаимоотношения с отдельными индивидами становятся неприятными или неприемлемыми. Состояние одиночества включает ситуации, когда индивид общается с окружающими меньше, чем он считает для себя необходимым или достаточным. К этой же проблеме относятся и ситуации, когда индивид не может достичь настолько близких отношений с окружающими, насколько он хочет» [10, с. 119–128]. Из этого определения следует, что одиночество является сложным многоаспектным феноменом, и в него входит также и духовный компонент. В духовном смысле чувство одиночества может заключаться в отсутствии смысла жизни, связи с религиозными организациями, с высшим началом, богами, духами, абстрактными силами, идеями, которые, по мнению индивида, управляют судьбой мира. Для человека, обладающего развитым религиозным сознанием, подобное ощущение может быть даже более значимо, чем одиночество в традиционном социально-психологическом смысле.

Помимо междисциплинарного характера проблема одиночества является темой, волнующей самых разных людей. Об этом свидетельствует то, что наиболее востребованной книгой по социологической теории стала «Одинокая толпа» Дэвида Рисмена, изданная в 1950 году [8]

Для научного изучения проблемы одиночества необходима ее операционализация, перевод в эмпирически измеримые категории. Одним из способов подобной конкретизации является соотнесение понятия «одиночество» с понятием «аномия личности». Сопоставление позволяет выявить сущностную характеристику их смыслов. По убеждению Д. Рисмена, индивид может испытывать чувство одиночества, если не разделяет господствующие ценности той эпохи, к которой он принадлежит [19, с. 386].

Соотнесение понятий «одиночество» и «аномия личности» дает возможность использовать для измерения одиночества шкалу аномии Л. Сроула. Измерение предполагает согласие или несогласие с одним из утверждений, каждое из которых свидетельствует о наличии аномии в определенном аспекте [22, с. 709–716]. Эта шкала позволяет также исследовать проявления аномии в разных аспектах жизнедеятельности индивида. В частности, модифицированная версия опросника Л. Сроула использовалась для анализа аномии личности в рабочей обстановке. Согласно выводам британского социолога Е. Цахуриди, люди более склонны быть аномичными на работе, чем в повседневной жизни [24, с. 297–305]. Результат свидетельствует об отсутствии у индивидов подлинного интереса к своей профессиональной деятельности. Это соответствует выводам Р. Мертона о том, что для большинства

людей в современном обществе та работа, которую они выбрали, не является достаточным средством достижения поставленных целей. Иначе говоря, это чаще вынужденное занятие. Такая ситуация — благодатная почва для развития социальной аномии, выделенной Е. Цахуриди на личностном уровне, когда разрыв между желаниями и фактическими действиями приводит к угасанию интереса к собственной работе и необходимости симулировать его в повседневной самопрезентации. Вместе с тем из классической теории И. Гофмана известно, что индивид всегда стремится презентовать себя в наиболее выгодном свете. Разница между самопрезентацией индивида и его реальным самоощущением обуславливает утрату подлинного, искреннего контакта с другими, что в итоге ведет к одиночеству, которое может быть операционализировано через понятие аномии личности.

Описанные теоретические предпосылки изучения одиночества широко используются англоязычными социологами для исследования актуальных социальных процессов и явлений. Наиболее обсуждаемой из современных тенденций является развитие социальных сетей и возникновение чувства одиночества, вызванного заменой реального общения тотальным виртуальным, считающимся своеобразным симулятором.

На сегодняшний момент целый ряд эмпирических исследований свидетельствует о том, что одинокие люди интровертированной направленности, часто пользующиеся социальными сетями, более других склонны испытывать состояние одиночества и психологического стресса, в то время как активные экстраверты используют социальные сети для расширения социальных связей [11, с. 183–189; 12, с. 1017–1031]. Одиноким людям склонным расценивать социальные сети как средство преодоления одиночества и получают удовлетворение от их использования [21, с. 67–75]. Для них интернет-общение создает иллюзорное ощущение принадлежности к группе, труднодостижимое в реальной жизни, поскольку социально дезадаптированные люди испытывают «реакции дискомфорта, беспоконья, отвращения, невозможности проявить нормальные поведенческие реакции в присутствии других людей» [15, с. 337–340].

Тесную связь между доступом к Интернету, одиночеством и утратой интереса к жизни констатируют новейшие исследования во многих странах мира. Подобные явления — классический индикатор аномии. В Сети индивиды склонны представлять себя с лучшей стороны, показывать свои достижения. Такие демонстрации могут пагубно сказаться на людях с низкой самооценкой и отсутствием необходимых социальных связей.

Говоря о влиянии Интернета в целом на социально-психологическое переживание индивидом одиночества, отметим, что его основная функция заключается в выстраивании коммуникации. Интернет — это люди, говорящие друг с другом, обменивающиеся электронной почтой. Сеть обеспечивает массовое участие в двустороннем общении, которое не подвержено цензуре. Интернет — это сообщество хронических коммуникаторов.

Наряду с постепенным распадом традиционного сообщества мы, очевидно, наблюдаем усиление роли виртуального. Участие в нем лишь незначительно снижает общее ощущение одиночества, кроме того, это отвлекает индивида от возможной деятельности в реальной жизни. Справедливо сделать вывод о том, что виртуальное общение будет действенным средством преодоления одиночества только тогда, когда оно приведет к участию в реальном сообществе.

Существенное влияние на переживание индивидом одиночества может оказывать его национальная и религиозная принадлежность. Представители национальных меньшинств зачастую участвуют в деятельности землячеств или подобных общественных объединений, что для индивида является включением его в малую референтную группу, способствует преодолению одиночества. Для многих людей отношения внутри подобных групп могут быть более близкими и значимыми, чем в собственной семье. Схожим образом представители некоторых религий могут образовывать малые референтные группы. Исследователи отмечают, что наиболее привлекательными могут быть группы, образованные немногочисленными маргинальными и преследуемыми религиозными объединениями. Это вполне объясняет причины, по которым экстремистские религиозные группировки быстро находят себе новых членов, готовых даже умереть за эту новообретенную группу [7, с. 47–87].

Необходимо отметить, что теории аномии личности, сформировавшиеся в 50-х годах XX века, были направлены в основном на интерпретации аномичного состояния индивида и измерение степени выраженности этого состояния, понимаемого как следствие социальных процессов, происходящих на уровне общества в целом. Такой подход к проблеме был продиктован масштабными социально-экономическими изменениями, связанными со становлением индустриального общества. По мере изучения аномичных состояний индивида все более очевидным стал недостаток этого подхода, заключающийся в том, что обусловленные индивидуальными особенностями внутриличностные причины возникновения аномии не принимались исследователями в расчет.

В начале 1960-х годов Г. Макклоски и Д. Шар приступили к изучению роли психологических особенностей личности в возникновении аномии. Они искали статистические корреляции между ощущением аномии на уровне личности и социологическими (социальный статус, профессия, размер сообщества), а также психологическими (уровень агрессии, сила Эго, гибкость мышления) характеристиками этого индивида.

На основании результатов нескольких исследований Г. Макклоски и Д. Шар доказали [14, с. 14–40], что индивидуальные особенности личности могут вызывать у индивида состояние аномии независимо от социальных факторов, поскольку внутриличностные и социальные факторы могут как дополнять друг друга, так и действовать разнонаправленно.

Согласно Г. Макклоски и Д. Шару, возникновению аномии способствуют:

- 1) когнитивные факторы, влияющие на способность к обучению и пониманию;
- 2) эмоциональные факторы, которые могут провоцировать искаженное мировосприятие;
- 3) независимые мнения и верования;
- 4) отсутствие гибкости мышления;
- 5) склонность к беспокойству и тревожности;
- 6) слабая сила Эго;
- 7) высокий уровень агрессии.

Изучением проявления феномена аномии на уровне личности занимался также В. Джилек, который пришел к выводу о наличии в обществе аномии в ходе исследования психических болезней у индейцев побережья Салиш британской Колумбии и Вашингтона. По мнению ученого, причиной возникновения этих заболеваний были прежде всего социально обусловленные факторы.

В. Джилек ввел понятие аномической депрессии как последствия аномии на уровне личности, выявленной им в обществе индейцев. Аномическая депрессия характеризовалась проявлениями уныния, отчаяния, апатии, алкоголизма, проявлялась также в утрате жизненных целей, агрессии по отношению к самому себе и соплеменникам [9, с. 131]. Исследования В. Джилека имеют большую значимость, поскольку он использовал разработанное в социологической теории понятие аномии в кросс-культурном аспекте. Другой причиной, по которой работы В. Джилека представляют научный интерес, является выявляемое определенное сходство между проблемами индейцев и современного российского общества. Нужно отметить, что в обоих случаях имел место процесс вестернизации, трансляции западной культуры и ценностей, которые вступали в противоречие с традиционной культурой данного общества. Можно предположить, что и последствия реакции на конфликт культур могут быть схожими — выражены в проявлении социальной аномии, а также неопределенности культурной идентичности.

Описание подобных процессов есть в работах отечественных исследователей, изучавших социальную аномию российского общества. Например, А. Панфилова и В. Папырина проанализировали последствия кризиса, вызванного конфликтом между советской и западной системами ценностей. Основной причиной конфликта было названо усиление влияния западной культуры на российское общество [1, с. 117–120; 2, с. 153–154].

Сходство проявлений аномии на личностном уровне в обоих случаях очевидно. Одной из форм борьбы с развитием аномической депрессии было возрождение традиционных религиозных ритуалов. Несмотря на то, что эти ритуалы в новых условиях частично утратили свой смысл, по мнению В. Джилека, они способствуют обретению утраченной культурной идентичности.

Проблема социально-психологического напряжения из-за неспособности индивида достигнуть заданных культурой целей законными средствами, которая была обозначена Р. Мертоном, послужила основой для развития концепции личностной

аномии Р. Агнью. Кроме того, теория социально-психологического напряжения разрабатывалась в трудах А. Коэна, Р. Кловарда и Л. Охлина, но они рассматривали прежде всего социальные аспекты аномии. Причиной возникновения аномии на микроуровне может послужить отрицательная оценка индивида значимой для него группой. Например, у молодежи главными факторами возникновения социально-психологического напряжения могут стать плохие результаты в спортивных соревнованиях, негативное отношение со стороны представителей противоположного пола, низкие оценки в образовательном учреждении. Причиной аномического напряжения на уровне личности нередко становятся негативные взаимоотношения с другими или взаимоотношения, в которых индивид воспринимает не так, как ему хотелось бы [5, с. 50].

Согласно теории Р. Агнью, социально-психологическое напряжение у индивида возникает, когда другие люди препятствуют достижению положительно оцениваемой им цели, лишают его полезных стимулов или создают потенциальную угрозу такого лишения; предоставляют индивиду вредные, негативно оцениваемые, стимулы или могут их предоставить впоследствии [6, с. 51–86].

Первый тип напряжения, который помимо концепции Р. Агнью рассматривается во всех «теориях напряжения», можно условно разделить на три вида [5, с. 51–56]:

1. Несоответствие между стремлениями индивида и реальными условиями. Особенно это рассогласование характерно для представителей низшего класса, которые понимают, что даже упорным трудом они вряд ли смогут осуществить свои самые амбициозные планы, поскольку доступ к финансовым и иным ресурсам для них ограничен.

2. Несоответствие между реалистичными ожиданиями индивида и фактическими результатами его деятельности. Аналитическое разделение желаний индивида на идеальные и реалистичные в теории Р. Агнью позволяет осмыслить причины возникновения аномического напряжения. Если индивид не может реализовать свои идеальные цели, то он не склонен сильно расстраиваться, поскольку понимает, что они отчасти утопичны. В то же время неспособность индивида осуществить свои реалистичные планы вызывает агрессию и гнев.

3. Несоответствие между реальными результатами деятельности индивида и его представлениями о том, какими должны быть эти результаты на основе принципа справедливости. Возникновению аномии в данном случае способствует мнение индивида, что богатые и успешные люди достигли своего преуспевающего положения нечестными, незаконными средствами. Такое ощущение приводит индивида к мысли о том, что и ему можно совершить противозаконный поступок.

Второй тип напряжения по теории Р. Агнью (устранение позитивных стимулов) может возникнуть в том случае, когда индивид теряет или может утратить что-либо особо значимое для него (потеря друга, развод родителей, уход с работы).

Третий источник аномического напряжения — предоставление индивиду негативных стимулов,

также часто приводит к проявлению девиантного поведения. К отрицательным стимулам относятся: физическая боль, стрессовые ситуации, агрессия со стороны других людей. Стремление избежать отрицательно оцениваемых стимулов характерно для любого человека. В качестве примера можно привести ситуацию с учеником школы, который пытается скрыть от родителей плохие оценки, или работника, не желающего встречаться со своим начальником [5, с. 47–87].

Ряд специалистов в области социологии и социальной психологии обратили внимание на неразрывную связь аномии и одиночества. Американские ученые У. Садлер и Т. Джонсон провели масштабное исследование, в ходе которого была рассмотрена проблема влияния одиночества на возникновение аномии. Они пришли к выводу, что аномии предшествует ощущение одиночества, испытываемое одновременно в нескольких сферах. Человек, переживающий одиночество только в одной из этих сфер, как правило, не становится аномичным.

Рассмотренные в данной статье теории аномии личности имеют значительный эвристический потенциал для отечественной социальной работы. Они могут использоваться как для создания практических моделей профилактики социальной аномии, так и для теоретического синтеза данного явления. В отличие от социально обусловленной аномии, аномичное состояние личности в меньшей степени связано с особенностями конкретного общества. Следует отметить, что теории аномии личности столь же универсальны, сколь и психологические теории личности.

Изучение аномии личности, помимо перечисленного, позволяет преодолеть междисциплинарный разрыв между такими науками, как философия, социология и психология. Существование такого разрыва обусловлено особенностями организации научных исследований в отечественной науке. Подчеркнем, что сам объект исследования неразделим и анализировать его необходимо с учетом философской, психологической и социологической составляющих.

Философско-эстетическая проблема одиночества может быть рассмотрена в следующих ракурсах: одиночество как бездомность — переживание неопределенности смысла человеческого существования, неприкаянного блуждания в мире и в бесконечности (Ф. Ницше, М. Хайдеггер, С. Кьеркегор, М. Бубер, Х. Ортега-и-Гассет); одиночество как непреодолимая обособленность «я» и «другого» (Н. Бердяев, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет); одиночество как ответственность или обреченность на свободу (Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер); одиночество как уединение или добровольная изоляция от других с целью самоосознания (Г. Торо, Р. Эмерсон).

Философско-эстетический взгляд позволяет раскрыть прежде всего глубинные онтологические и духовные основания возникновения этого феномена, меж тем как в психологии и социологии одиночество рассматривается в качестве временного состояния сознания человека или особого переживания, которое можно исследовать исходя

из эмпирических закономерностей. Для этого проводятся опросы, выявляется степень подверженности одиночеству людей разных возрастов и профессий; анализируются особенности его переживания индивидами, случайные и неслучайные причины данного явления. Междисциплинарные методы изучения проблемы раскрывают многие ее ракурсы. Интересна, например, классификация одиночества, предложенная У. А. Садлером и Т. Джонсоном:

- космическое одиночество или оторванность человека от Бога, природы, высшего разума;
- культурное одиночество — переживание человеком утраты собственных культурных ценностей и идеалов или отсутствие отклика и понимания окружающих;
- социальное одиночество — переживания человека, связанные с ограниченностью общения;
- межличностное одиночество — переживания человеком отсутствия или недостатка духовных связей с другими людьми [3, с. 30–33].

По мнению Э. Фромма, проблема одиночества является следствием объективного, исторически обусловленного процесса индивидуализации личности, в то время как К. Ясперс и Х. Ортега-и-Гассет видят корни одиночества в социальной раздробленности и атомизации общества. Э. Дюркгейм и Г. Маркузе указывают на последствия современных социальных трансформаций как на причину возникновения феномена одиночества.

Эволюция философско-эстетических представлений об одиночестве связана с проблемой самопознания и идентичности, которая в разные периоды истории осмыслялась по-разному.

Так, экзистенциальные и трансцендентальные философские подходы рассматривают феномен одиночества как необходимость для человека уединения — важнейшего конструктивного момента становления личности.

Экзистенциализм указывает на смутность осознания человеком смысла его существования в мире, неприкаянность, блуждания, отсутствие гармонии с миром как следствие неприятия человеком форм социальной жизни, протест против притеснения человека, обесценивающий личность и само общество, приводящий к отчуждению и одиночеству. С трансцендентального философского ракурса бытие человека в мире есть пребывание «у себя дома», где нет места размышлениям о заброшенности, отчужденности и одиночестве.

Философы и социологи считают, что определенность феномена одиночества выявляется именно на нынешней стадии развития цивилизации в связи со стремительной технизацией всех сфер человеческой жизни и всеобъемлющим кризисом современной культуры.

Осмысление проблемы одиночества становится сегодня крайне актуальным, поскольку социальное взаимодействие приобретает новые формы, а значит, должны быть и новые механизмы актуализации и самореализации. В современном мире с его социальными установками и стереотипами у людей происходит размывание индивидуальных черт личности, нивелируется индивидуальное самосознание, что приводит к социокультурному парадоксу:

человек переживает чувство одиночества, находясь в массе себе подобных.

Одиночество является необходимым условием творчества. С одной стороны, творчество связывает художника с другими людьми, становится для него убежищем от одиночества, с другой, как отмечал Т. Уильямс, художник «может говорить свободно только наедине с собой, а чтобы установить контакты с современниками, он должен порвать всякие контакты с ними, и в этом всегда есть что-то от безумия». Достигая уровня индивидуального самосознания, утверждая уникальность своей личности, творец постепенно все в большей степени сталкивается лицом к лицу со своим одиночеством. Одиночество художника, когда оно является необходимым условием его творчества, — добровольное уединение, «позитивный тип одиночества». В этом случае одиночество переживается как необходимое условие для открытия новых форм творческой свободы, нового творческого опыта. В противоположность этому негативный тип одиночества связан, как правило, с переживанием отчуждения от своего «я», состоянием «печальной пассивности», самосотрадания и т. п.

Многие художники, считавшие себя одиночками, не были изолированы от друзей или семьи. При этом сильной детерминантой одиночества служила для них неудовлетворенность взаимоотношениями с друзьями, депрессия. Состояние одиночества, таким образом, отчасти избирается самим художником, отчасти навязывается ему как условие творческого роста или творческих поисков. Судьбы многих великих людей свидетельствуют о том, что существует трагический конфликт любви и творчества. Стихия любви, как и стихия творчества, требует тотального погружения, она никогда не может удержаться в одном состоянии, не знает одной формы, чужда обыденности. Можно быть самим собой, лишь превосходя себя. Эти мысли, проявленные в творчестве многих выдающихся художников, приводят к выводу о том, что невозможно создать новую эстетическую форму без выхода за пределы себя, но этот акт самопревышения и обнаруживает истинное, т. е. глубинную самореализацию творческой личности. Постоянная потребность в самопревышении — наиболее устойчивый способ существования, позволяющий художнику творить, реализовывать разные грани своей индивидуальности, что и является подлинным творчеством. Одиночество художника, отсутствие у него как бы своего постоянного места, прикрепленности к одному видению, одной идее, его постоянный переход от одного состояния к другому и открывает подлинное бытие культуры.

Американский эстетик К. Вудвард рассмотрел феномен одиночества на примере произведения композитора Д. Кейджа «4 минуты 33 секунды», представляющего собой соответствующее по длительности абсолютное молчание симфонического оркестра. Эстетика пустоты, молчания, небытия стала сферой оживленных дискуссий в западной философии искусства, имеющей прямое отношение к области философии коммуникации. Абстрактное искусство стремится к полному освобождению

от власти «техники» и ее материальных носителей, препятствующих полному самораскрытию личности художника.

К. Вудвард осуществил попытку объяснить смысл современного модернизма, опираясь на особую значимость «эстетики молчания», что в конечном итоге привело к иррациональности искусства. Таким образом, подобное искусство, отказавшееся от всего материального, усилило чувство заброшенности и одиночества человека в мире.

Западное искусство, осознавая глубину и противоречивость феномена одиночества, как правило, не стремится дать ему этико-нравственную оценку и заменяет ее крайне субъективной или крайне объективистской аналитичностью. Попытки аналитического проникновения в суть одиночества предпринимались неоднократно. Интересен, например, опыт выдающегося шведского кинорежиссера И. Бергмана, фильмы которого — «Земляничная поляна» и все последующие вплоть до «Осенней сонаты» — представляют собой художественную энциклопедию одиночества, отчаяния, некоммуникабельности, разорванности социальных связей, утраты надежды и жизненной энергии.

Рассматривая одиночества с философско-эстетической точки зрения, подчеркнем, что этот феномен взаимосвязан с другими феноменами бытия, такими, как игра, любовь, страх, смерть, власть, коммуникация. В свете проблемы одиночества

может быть выявлен смысл человеческого существования, поскольку именно одиночество дает индивиду видение подлинности внутреннего содержания других составляющих бытия. Философский анализ приводит к пониманию уникальности каждой личности, выражающейся как врожденная интенция к свободе, ведущей человека к самореализации и самотрансценденции и осознанию невозможности переложить ответственность за свои поступки на другого. Таким образом, одиночество — это не временное состояние и переживание человека, а сам смысл его существования, объединяющий в себе две проблемы: сущностного одиночества человека и чувства себя как части общества, составляющих неразрывное целое.

Одиночество человека всегда рассматривается относительно жизни других, абсолютного одиночества нет. Н. Бердяев указывал на относительность одиночества, поскольку оно всегда «соотносительно с существованием других и другого».

Итак, этот феномен амбивалентен, т. е. обладая отрицательными и положительными качествами одновременно, одиночество является необходимой составляющей духовного мира человека. С социологической точки зрения оно соотносится с серьезной социально-психологической проблемой, в то время как с философской позиции представляется, что это важный этап духовного становления и развития личности.

1. Панфилова А. О. Ценностные ориентации населения Приморья // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 117–119.
2. Папырина В. А. Социальная anomia на производстве // Социологические исследования. 1995. № 9. С. 153–154.
3. Садлер У., Джонсон Т. От одиночества к anomии // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 21–52.
4. Феофанов К. А. Социальная anomia: обзор подходов в американской социологии // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 88–92.
5. Agnew R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 1992, 30 (1), pp. 47–88. doi: 10.1111/j.1745-9125.1992.tb01093.x.
6. Agnew R. *Pressured into crime: An overview of general strain theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 238 p.
7. Bjarnason T. Parents, religion and perceived social coherence: A Durkheimian framework of adolescent anomie. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1998, 37 (4), pp. 724–754. doi: 10.2307/1388154.
8. Gans J. H. Best-sellers by sociologists: An exploratory study. *Contemporary Sociology*, 1997, 26 (2), pp. 131–135. doi: 10.2307/2076741.
9. Jilek W. G. *Salish Indian mental health and culture change: Psychohygienic and therapeutic aspects of the guardian spirit ceremonial*. Toronto: Holt, Rinehart and Winston of Canada, 1974. 131 p.
10. Jong-Gierveld J., de. Developing and testing a model of loneliness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 53 (1), pp. 119–128. doi: 10.1037/0022-3514.53.1.119.
11. Kalpidou M., Costin D., Morris J. The relationship between Facebook and the well-being of undergraduate college students. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011, 14 (4), pp. 183–189. doi: 10.1089/cyber.2010.0061.
12. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., et al. Internet paradox. A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*, 1998, 53 (9), pp. 1017–1031. doi: 10.1037/0003-066X.53.9.1017.
13. MacIver R. M. *The ramparts we guard*. New York: Macmillan, 1950. 152 p.
14. McCloskey H., Schaar J. H. Psychological dimensions of anomie. *American Sociological Review*, 1965, 30 (1), pp. 14–40.
15. Orr E. S., Sasic M., Ross C., et al. The influence of shyness on the use of Facebook in an undergraduate sample. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2009, 12 (3), pp. 337–340. doi: 10.1089/cpb.2008.0214.
16. Passas N., Agnew R. (eds.). *The future of anomie theory*. Boston: Northeastern University Press, 1997. 240 p.
17. Powell E. H. Occupation, status, and suicide: Toward a redefinition of anomie. *American Sociological Review*, 1958, 23 (2), pp. 131–139. doi: 10.2307/2088996.
18. Remennick L. I. Review: The «terra incognita» of Russian sex: Seven decades of socialism and the morning after. *The Journal of Sex Research*, 1996, 33 (4), pp. 383–387. doi: 10.1080/00224499609551856.
19. Riesman D., Glazer N., Reuel D. *The lonely crowd: A study of the changing American character*. New Haven: Yale University Press, 1950. 386 p.

20. Sennett R. *The fall of public man*. New York: Alfred A. Knopf, 1976. 386 p.
21. Sheldon P. The relationship between unwillingness-to-communicate and students' Facebook use. *Journal of Media Psychology*, 2008, 20 (2), pp. 67–75. doi: 10.1027/1864–1105.20.2.67.
22. Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory study. *American Sociological Review*, 1956, 21 (6), pp. 709–716. doi: 10.2307/2088422.
23. Taylor C. Alienation and community. *Universities and Left Review*, 1959, (5), pp. 11–18.
24. Tsahuridu E. E. An exploration of factors affecting work anomia. *Journal of Business Ethics*, 2011, 99 (2), pp. 297–305. doi: 10.1007/s10551–010–0655–2.
25. Wirth L. Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 1938, 44 (1), pp. 1–24. doi: 10.1086/217913.

References

1. Panfilova A. O. Tsenmostnyye oriyentatsii naseleniya Primorya [Value orientations of residents of the Primorsky Krai]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya — Sociological Studies*, 2004, (10), pp. 117–119 (in Russian).
2. Papyrina V. A. Sotsialnaya anomiya na proizvodstve [Social anomie at work]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya — Sociological Studies*, 2004, (9), pp. 153–154 (in Russian).
3. Sadler W. A., Johnson T. B. From loneliness to anomie. In: Hartog J., Audy J. R., Cohen Y. A. (eds.). *The anatomy of loneliness*. New York: International Universities Press, 1980, pp. 34–64. (Rus. ed.: Sadler W. A., Johnson T. B. Ot odinochestva k anomii. In: *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 21–52).
4. Feofanov K. A. Sotsialnaya anomiya: obzor podkhodov v amerikanskoj sotsiologii [Social anomie: A review of approaches in American sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya — Sociological Studies*, 1992, (5), pp. 88–92 (in Russian).
5. Agnew R. Foundation for a general strain theory of crime and delinquency. *Criminology*, 1992, 30 (1), pp. 47–88. doi: 10.1111/j.1745–9125.1992.tb01093.x.
6. Agnew R. *Pressured into crime: An overview of general strain theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 238 p.
7. Bjarnason T. Parents, religion and perceived social coherence: A Durkheimian framework of adolescent anomie. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1998, 37 (4), pp. 724–754. doi: 10.2307/1388154.
8. Gans J. H. Best-sellers by sociologists: An exploratory study. *Contemporary Sociology*, 1997, 26 (2), pp. 131–135. doi: 10.2307/2076741.
9. Jilek W. G. *Salish Indian mental health and culture change: Psychohygienic and therapeutic aspects of the guardian spirit ceremonial*. Toronto: Holt, Rinehart and Winston of Canada, 1974. 131 p.
10. Jong-Gierveld J., de. Developing and testing a model of loneliness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 53 (1), pp. 119–128. doi: 10.1037/0022–3514.53.1.119.
11. Kalpidou M., Costin D., Morris J. The relationship between Facebook and the well-being of undergraduate college students. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011, 14 (4), pp. 183–189. doi: 10.1089/cyber.2010.0061.
12. Kraut R., Patterson M., Lundmark V., et al. Internet paradox. A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? *American Psychologist*, 1998, 53 (9), pp. 1017–1031. doi: 10.1037/0003–066X.53.9.1017.
13. MacIver R. M. *The ramparts we guard*. New York: Macmillan, 1950. 152 p.
14. McCloskey H., Schaar J. H. Psychological dimensions of anomie. *American Sociological Review*, 1965, 30 (1), pp. 14–40.
15. Orr E. S., Sisic M., Ross C., et al. The influence of shyness on the use of Facebook in an undergraduate sample. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2009, 12 (3), pp. 337–340. doi: 10.1089/cpb.2008.0214.
16. Passas N., Agnew R. (eds.). *The future of anomie theory*. Boston: Northeastern University Press, 1997. 240 p.
17. Powell E. H. Occupation, status, and suicide: Toward a redefinition of anomie. *American Sociological Review*, 1958, 23 (2), pp. 131–139. doi: 10.2307/2088996.
18. Remennick L. I. Review: The «terra incognita» of Russian sex: Seven decades of socialism and the morning after. *The Journal of Sex Research*, 1996, 33 (4), pp. 383–387. doi: 10.1080/00224499609551856.
19. Riesman D., Glazer N., Reuel D. *The lonely crowd: A study of the changing American character*. New Haven: Yale University Press, 1950. 386 p.
20. Sennett R. *The fall of public man*. New York: Alfred A. Knopf, 1976. 386 p.
21. Sheldon P. The relationship between unwillingness-to-communicate and students' Facebook use. *Journal of Media Psychology*, 2008, 20 (2), pp. 67–75. doi: 10.1027/1864–1105.20.2.67.
22. Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory study. *American Sociological Review*, 1956, 21 (6), pp. 709–716. doi: 10.2307/2088422.
23. Taylor C. Alienation and community. *Universities and Left Review*, 1959, (5), pp. 11–18.
24. Tsahuridu E. E. An exploration of factors affecting work anomia. *Journal of Business Ethics*, 2011, 99 (2), pp. 297–305. doi: 10.1007/s10551–010–0655–2.
25. Wirth L. Urbanism as a way of life. *American Journal of Sociology*, 1938, 44 (1), pp. 1–24. doi: 10.1086/217913.